

М. В. Корогодина

ВАРЬИРОВАНИЕ ПОЧЕРКА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЯХ XV–XVI ВЕКОВ*

Появление новых типов почерков в XV–XVI столетиях является предметом давних и плодотворных исследований славистов. В этот период письмо приобретает более индивидуальный характер. Наряду с традиционными, канонически устоявшимися типами начерков у многих писцов появляются свойственные только им манеры. В XV–XVI вв. профессиональный писец владел несколькими писцовыми манерами. Это заставляет задаться вопросом о причинах, побуждавших их использовать тот или иной тип письма. Варьирование почерков и выбор между писцовыми манерами не были результатом прихоти конкретного писца, а диктовались общими представлениями о необходимости смены почерка в различных ситуациях. Такой выбор осознанно делался книжниками, трудившимися с разницей в десятилетия, в монастырях или при княжеских канцеляриях, в Московском государстве и в Великом княжестве Литовском. Это означает, что варьирование почерков и выбор между писцовыми манерами не были результатом прихоти конкретного писца, а диктовались общими представлениями о необходимости смены почерка в различных ситуациях.

ПОЧЕРК ЗАПИСЕЙ

Первое, что обращает на себя внимание исследователей – использование особых писцовых манер в выходных записях. Именно эти приписки позволяют сравнивать манеры почерка, которыми пользуется каллиграф: они синхронны основному тексту и выполнены одним и тем же человеком. Этим писцовые записи отличаются от вкладных, владельческих, дарственных или продажных записей, которые не дают сопоставительного материала. Как правило, писцовые записи выполнены в более свободной манере, чем основной текст. В них использованы более мелкие начертания. Буквы обычно имеют меньший «вес», чем в основном тексте, и не столь тщательно

* Исследование выполнено в рамках проекта № 075-15-2020-786 «История письма европейской цивилизации», финансируемого Министерством науки и высшего образования РФ.

прорисованы. Значительно большее число букв пишется в две-три строки, а не в одну строку; увеличивается количество лигатур и выносных литер¹.

К концу XV – началу XVI в. для писцовых записей начинает использоваться принципиально иная манера письма, чем для основного текста. Выходные записи начинают исполняться курсивным почерком – полууставом с плавными, слитными и скорописными начертаниями, обильно украшенным лигатурами, росчерками, засечками, выносными элементами. Такие почерки выполняются тонким пером, что обеспечивает малый «вес» письма, позволяет писать убористо и одновременно использовать отдельные укрупненные литеры, растянутые или далеко выходящие за пределы строки. В таких почерках широко используются грецизированные начертания. Акцентирование внимания на литерах в середине слова за счет использования непропорционально длинных «хвостов» букв, широких согласных букв, внутрь которых вписаны гласные, или крупных петель сбивает ритм письма. Оно не позволяет прочитывать текст быстро, разбивая его на смысловые фрагменты, поскольку привлекающие внимание «сигналы» не помогают чтению (как в основном тексте), а мешают ему.

Как правило, использование лигатурной манеры почерка расценивается как стремление книжника украсить выходную запись, превратить ее в своеобразный элемент декора. При этом самоуничижительные слова писца, умаляющие значение его труда – частый атрибут выходных записей, – выглядят кокетством на фоне искусно выполненных лигатур и росчерков, подобных тонкой арабской вязи.

Между тем, более пристальное изучение украшенных выходных записей позволяет взглянуть на них с иной стороны. В ряде случаев известно, что каллиграф не ограничивался книгописанием. Искусство письма было профессией, но переписка кодексов редко являлась единственным источником дохода. Нередко каллиграф занимался также делопроизводственной документацией: служил дьяком, выполнял функции нотариуса или вел монастырскую документацию.

Именно так складывалась судьба Васюка Гаврилова сына Кылдашева, пермяка по происхождению, который происходил из династии писцов, подвизавшихся при

¹ В ходе дискуссий последних 10 лет в славянской палеографии предложено использовать методику описания почерка, разработанную латинскими палеографами. В число ключевых характеристик почерка входит понятие «веса» письма – сравнительной толщины и наполненности штрихов; наклон букв; дукт – последовательность и направление штрихов при написании литеры; слитность написания соседних букв; соотношение литер, написанных в одной строке (между двумя линейками) и в двух или трех строках (то есть имеющих искусственно удлиненные штрихи, выходящие за пределы двух линеек, ограничивающих строку). См.: *Киселева Л. И.* Готический курсив XIII–XIV вв. Л., 1974. С. 84; *Груша А. И.* Кириллическое и латинское письмо: Общее и отличное в истории и изучении // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время: Сборник статей памяти акад. Л. В. Черепнина / Отв. ред. акад. В. Л. Янин, В. Д. Назаров. М., 2010. С. 82–91; *Lomagistro B.* Approccio scientifico e questioni di metodo nello studio delle scritture cirilliche // Contributi italiani al XVI Congresso Internazionale degli Slavisti (Belgrado, 20–27 agosto 2018) / A cura di L. Salmon, M. C. Ferro, G. Ziffer. Firenze, 2018. P. 225–248; *Велинова В., Груша А. И., Ляховицкий Е. А., Ломаджистро Б., Мошкова Л. В., Во Д.* Спор о древнерусском письме (форум) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 1 (25). Январь – июнь. С. 103–123.

архиереях². Он переписал полностью или частично несколько рукописей³, но, вероятно, занимался также подготовкой грамот. Его отец, Гаврила Лукич Кылдас (что в переводе с древнепермского означает *дьяк* или *дьякон*), служил при епископе Пермском Филофее⁴. Подробные перечни священноначалия и светских властей и упоминания военных походов в записях Васюка Кылдашева заставляют видеть в нем человека, близкого к епископской или княжеской канцелярии.

Почерк, которым Васюк Кылдашев в 1512 г. оставил выходную запись в Кормчей книге, близок к делопроизводственной скорописи в ее парадном виде, использовавшейся для подготовки торжественных актов⁵. Для такого письма характерно принципиально иное, чем для книжного полуустава, движение пера в некоторых литерях, при котором доминируют горизонтальные, а не вертикальные росчерки. Это приводит к появлению «лежащих» или вытянутых вдоль строки букв, а также непропорционально увеличенных горизонтальных элементов, вынесенных за пределы верхней строки. Округлость, связность письма и обилие далеко вынесенных за пределы строки «хвостов» букв, значительное варьирование в способах начертания одной и той же литеры замедляют чтение. Межстрочное пространство увеличено в сравнении с высотой строки, но при этом полностью занято выносными буквами или элементами («хвостами») литер, что делает письмо плотным. Эти характерные особенности проявляются также в парадных актах, в которых сам текст невелик по объему, но требует медленного и сосредоточенного чтения.

Наблюдение можно подтвердить сопоставлением писцовых манер Куростровского дьяка Давыдца Михайлова сына, которым было переписано немало актов и только один кодекс, созданный в 1533 г.⁶ Почерк куростровского дьяка представляет периферийную книжную традицию, показывая, что стремление выделять писцовую запись, используя

² Морозов Б. Н., Симонов Р. А. К проблеме источников древнепермской письменности Стефана Пермского (около 1340 – 1396) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. Вып. 1 (35). С. 5–16; Грищенко А. И., Понарядов В. В. Новые находки памятников древнепермского языка и письма // Урало-алтайские исследования. 2021. № 4 (43). С. 7–34.

³ Государственный исторический музей (ГИМ). Увар. 81–4^о (1510 г., Мазуринская редакция Кормчей книги); Библиотека Российской академии наук (БАН). Арханг. С. 5 (1512 г., Мазуринская редакция Кормчей книги); Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 381. Син. тип. 222 (1517 г., Псалтырь).

⁴ Морозов Б. Н. Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI в. // Музеи и краеведение: Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 6. Сыктывкар, 2007. С. 177; Грищенко А. И., Понарядов В. В. Новые находки... С. 13, 16.

⁵ БАН. Арханг. С. 5. Л. 204 об. – См.: Морозов Б. Н., Симонов Р. А. К проблеме источников древнепермской письменности... С. 10–12; Корогодина М. В. Памятники церковного права в рукописях XV – начала XX века. М., СПб., 2020. С. 21–23 (полное описание рукописи).

⁶ БАН. Арханг. С. 6. См.: Бугославский Г. Рукописное евангелие церкви села Курострова, Холмогорского уезда, Архангельской губернии, 1533 года, хранящееся в Библиотеке Архангельской Духовной Семинарии // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. № 13. С. 508–516; Смирнова Э. С. Записи на иконах Заонежья как источник для истории Северной живописи // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 44; Корогодина М. В. Куростровский дьяк Давыдец Михайлов: Нотарий, книгописец, миниатюрист? // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М., 2016. С. 164–171.

для нее курсивные начертания, характерно отнюдь не только для каллиграфов из крупных книгописных центров, отличающихся связями с различными школами письма, в том числе балканскими или греческими. Давыдец Михайлов – профессиональный писец, основная деятельность которого связана с актами и грамотами, готовившимися по заказу куростровских крестьян. Его книжное письмо – вытянутый прямоугольный устойчивый полуустав, пропорциональной формы, но без каких-либо изысков. Запись в меньшей степени украшена лигатурами и вычурными росчерками, чем запись вычегжанина Васюка Кылдашева, однако разительно отличается от книжного письма. Как и у иных писцов, использовано тонкое перо и плотное письмо, при котором одна буква «обтекает» другую, что позволяет увеличить число букв в строке. Сокращение числа элементов, составляющих каждую букву, приводит к тому, что очертания многих из них становятся близкими. Монотонный ритм строки нарушают далеко вынесенные и легко узнаваемые «хвосты» и мачты отдельных букв. Благодаря этому запись отличается неизмеримо большим числом выносных элементов и связных начертаний, чем книжный полуустав Давыдца. Сопоставление с переписанными им актами показывает, что для записи Давыдец использовал свойственную ему манеру делопроизводственной скорописи. Этот тип скорописи характерен для актового материала и отличается от скорописи переписных или вкладных книг или иных монастырских документов, в которых ценилась беглость письма, а не узнаваемость букв.

Именно к парадным образцам делопроизводственной скорописи ближе всего манера письма, которую книжники использовали для выходных записей в конце XV – XVI вв. Это означает, что целью писца было отнюдь не украшение выходной записи, а зримое отделение ее от основного текста. Противопоставление книжного и обиходного полуустава, как типа почерка, наиболее часто применявшегося для создания на заказ четых и богослужебных книг, и делопроизводственной скорописи в выходных записях, наглядно показывало функциональные различия основного текста и записи, в которой книжник в уничижительной форме просил прощения за свою грубость и ошибки. Подобно тому, как для разных жанров в XV–XVII вв. использовался разный язык⁷, для разных типов текста выбиралась разная манера письма. Делопроизводственная скоропись изначально предназначалась для текстов, далеких от книжной традиции, что превращало скоропись в тип письма для профанных текстов⁸. Слово Божие, звучащее в Священном Писании, учительных посланиях или житиях святых, предполагало использование торжественного, выработанного полуустава; в то время как текст записи, касавшийся ничтожной персоны копииста, маркировался скорописью. Тем самым выбор типа письма зависел от функции и предназначения текста.

⁷ Темчин С. Ю. Новый жанр для нового языка у болгар, македонцев, украинцев и белорусов: Дамаскины и учительные евангелия (XVI–XIX вв.) // Българистиката в Европа: Настояще и бъдеще / Под ред. Л. Тасевой и др. София, 2019. С. 244–252; Темчин С. Ю. Языки восточнославянской культуры Великого княжества Литовского и Польского королевства и религия // Религия и русь, XV–XVIII века / Под ред. А.В. Доронина. М., 2020. С. 93–106.

⁸ См., например: Груша А. И. Когда и почему «русские» писари королей польских и великих князей литовских стали писать скорописью? // Lituanietyka i Wschodoznawstwo. Studia dedukowane Prof. K. Pietkiewiczowi / Red. G. Błaszczuk, G. Skrukwa, M. Studenna-Skrukwa. Poznań, 2020. S. 79–89.

ВАРЬИРОВАНИЕ ПОЧЕРКА ВНУТРИ КОДЕКСА

Принципы выбора различного типа письма в зависимости от типа текста и его предназначения можно проследить в рукописях, в которых книжники графически выделяли части текста. Такая тенденция проявляется исключительно рано: в XII в. в толковом Христинопольском Апостоле в разных писцовых манерах были выполнены не только толкования к посланиям апостолов, но и иные служебные тексты: предисловия Евфалия, оглавления к посланиям⁹. Если сами послания, повествующие о Христе, были переписаны крупным торжественным уставом, то сопровождающие их служебные тексты выполнены тем же писцом более мелко и плотно, что указывает на их вспомогательный характер. Толкования, расположенные на полях в виде рамочной катены, переписаны бисерным почерком, тонким пером, с минимальным межстрочным интервалом, и это зримо показывает значимость апостольского повествования в сравнении с сочинениями экзегетов.

Аналогичный подход к выбору писцовой манеры для разных типов текста можно наблюдать в существенно более поздний период – в XV и XVI вв. Особенно ярко выбор писцовой манеры в зависимости от функции текста проявляется в книгах Священного Писания, например, в Евангелии, переписанном в середине XVI в. и вложенном в 1562 г. в Белопесочский Троицкий монастырь близ г. Каширы Юрием Ивановичем Токмаковым, воеводой Ивана Грозного¹⁰. В рукописи евангельские слова переписаны крупным литургическим уставом с очень широкими полями, в котором чередуются толстые и волосные линии, при этом предисловия Феофилакта Болгарского, оглавления к Евангелиям и бого-служебные указания выполнены более мелким и убористым почерком, штрихами одной толщины, с существенно большей длиной строки. При сохранении общего характера письма (в обоих случаях буквы вписываются в одну строку) стиль, которым выполнены вспомогательные тексты, однозначно указывает на их второстепенное значение.

Различное начертание в пределах одной рукописи выбиралось не только для текстов Священного Писания, но и для иных сочинений. Н. В. Синицына, исследовавшая книгописную деятельность выдающегося каллиграфа первой трети XVI в. Михаила

⁹ Фрагменты рукописи находятся в трех хранилищах: Львовский исторический музей, Рук. 39; Киев, Институт рукописей Научной библиотеки Украины им. Вернадского, № VIII.3; Краков, Библиотека Чарторийских, Rkps 11601. – См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1: (Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская) / Ред. кол. О. А. Князевская, Н. А. Кобяк, А. Л. Лифшиц, Н. Б. Тихомиров, А. А. Турилов, Н. Б. Шеламанова. М., 2002. С. 563, № 59, 60; *Гнатенко Л. А.* Слов'янська кирилична рукописна книга XII–XIII ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського: Каталог. Кодиколого-палеографічне та графіко-орфографічне дослідження. Палеографічний альбом. Київ, 2012. С. 49–51, 105–120; *Волощенко С. А.* Краківські фрагменти Христинопільського Апостола XII сторіччя // Слов'янські мови, літератури і культури в умовах глобальної інформації. Міжнародна наукова конференція до Дня слов'янської писемності і культури. 25 травня 2021 року. Київ, 2021. С. 114–116.

¹⁰ БАН, 32.17.4. – См.: *Корогодина М. В.* Автограф Юрия Ивановича Токмакова: Книжника или воеводы? // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX междунар. науч. конф. Москва, 13–15 апреля 2017 года. М., 2017. С. 198–201.

Медоварцева, обратила внимание на использование им различных писцовых манер¹¹. Можно полагать, что выбор также был связан с функциями текста. Так, в одном из кодексов для богослужебного текста писец использовал аккуратный полуустав, который легко читается; а для повествования о чудесах русских святых выбрал манеру, близкую к скорописи, с курсивными начертаниями, лигатурами и аритмичными чередованиями длинных вертикальных мачт и росчерков в горизонтальных элементах букв¹². Переход от одной манеры письма к другой подчеркивает смену жанра текстов.

Сходным образом в другой медоварцевской рукописи описание современных событий – взятия Пскова великим князем Василием Ивановичем в 1509 г. переписано беглым полууставом с грецизированными начертаниями, изобилующим далеко вынесенными «хвостами» букв, а «Русский летописец», открывающийся описанием деяний святых благоверных князей Владимира, Ольги, Бориса и Глеба, выполнен прямоугольным полууставом, в котором гораздо меньшее число литер выходит за пределы одной строки¹³. Впрочем, по мере приближения повествования к современным Михаилу Медоварцеву событиям, почерк становится все более округлым, с возрастающим числом букв с вынесенными за пределы строки «хвостами», постепенно становясь идентичным той манере, в которой переписано предшествующее «Русскому летописцу» повествование.

Помимо смены манеры почерка в некоторых случаях писцы использовали иные приемы, стремясь палеографически выделить один текст в череде других. К таким редким способам относится использование полусловицы – особого типа письма, при котором все гласные буквы выносились над строкой и изображались в виде «зашифрованной» системы знаков. Полусловица использована в целом ряде рукописей XV – первой половины XVI в., и во всех случаях она выполняла роль тайнописи, которая скрывала одно-два слова или пару фраз. Исключением является список Кормчей книги объемом 460 листов, созданный в 1470-х гг. по заказу епископа Сарского Прохора и впоследствии вложенный им в Ферапонтов монастырь¹⁴. Вся рукопись переписана полусловицей,

¹¹ Синецкина Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 288–291; Синецкина Н. В. Новые рукописи Михаила Медоварцева // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 145–149.

¹² РГБ. Ф. 304.1. Т.СЛ. 466. Л. 369 об. – 370.

¹³ БАН, Арханг. Д. 193. – Согласно наблюдениям Н. В. Синецкиной, Михаилом Медоварцевым переписаны л. 389–477 (начало 1530-х гг.). См.: Синецкина Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев. С. 313–314; Амосов А. А. Из истории кодекса сборника Д. 193 Архангельского собрания РО БАН СССР // Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР: Сб. науч. трудов / Под ред. С. П. Луппова, А. А. Моисеевой. Л., 1976. С. 34–42; Хорошкевич А. Л. Графическое оформление комплекса «Сказания о князьях Владимирских» в Медоварцевском сборнике // История и палеография: Сб. статей. М., 1993. Вып. 1. С. 56–87.

¹⁴ Пермь, Пермский педагогический институт, № 1. – См.: Демкова Н. С., Якунина С. А. Кормчая XV в. из собрания Пермского педагогического института // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 330–337; Пихоя Р. Г. Пермская Кормчая (О предыстории появления Чудовской Кормчей 1499 г.) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 171–175; Пихоя Р. Г. Пермская Кормчая: 1. Описание // Исторический архив. 2001. № 1. С. 187–210; Кириллические рукописи XV–XVII веков в хранилищах Пермского края: Каталог / Под ред. И. В. Поздеевой, Ю. С. Белянкина. Пермь, 2014. С. 29–46.

что делает ее чтение почти невозможным. Можно предполагать, что такой тип письма был избран заказчиком, чтобы скрыть от любопытных глаз церковные законы, предназначенные только для посвященных. В кодексе выделяются несколько русских по происхождению текстов, переписанных обычным полууставом. К ним относятся важнейшие и наиболее популярные в XV–XVI вв. сочинения: постановления собора во Владимире в 1273 г., правило митрополита Максима о постах и о венчаниях; запрет покушаться на церковные и монастырские имущества; перечень преступлений, подлежащих церковному суду. Таким образом, с помощью полусловицы писец зримо отделил тексты, необходимые для всеобщего чтения, от постановлений, предназначенных только для посвященных.

Другим способом акцентировать внимание на отдельных фрагментах текстов и ввести в них рубрикацию служило использование различных чернил в пределах одного сочинения. Подобное выделение широко использовалось в латинских рукописях¹⁵. В кириллической традиции ярким ранним примером выделения фрагментов текста с помощью чернил разного цвета является Библия Матфея Десятого (1502–1507)¹⁶, в которой каллиграф золотом писал те фрагменты, которые непосредственно относились к Христу: пророчества о нем и произносимые им слова; киноварью выделял богослужебные указания; синей краской отмечал фразы, описывающие действия Христа; а чернила оставлял для повествования об окружавших Иисуса людях. Подобное разнообразие красок не только служило украшением, но позволяло быстро находить необходимые цитаты или указания на богослужебную разметку. Работа над рукописью велась в Вильно и Супрасльском монастыре, причем писец был знаком с западноевропейскими образцами книжного искусства¹⁷. Возможно, мысль выделять цветом различные фрагменты текста также была почерпнута Матфеем Десятым из латинских рукописей, в которых наряду со смысловым выделением некоторых фрагментов использовалось чередование строк, написанных разными красками, для привлечения внимания читателя¹⁸. Такой способ выделения цветом – чередование киноварных и чернильных строк для привлечения внимания к отдельному тексту – использовался также книжниками Московской Руси, в том числе Михаилом Медоварцевым.

К началу XVI в. появляется немало профессиональных писцов, владевших разными манерами письма. Вариативность делает проблему отождествления почерков наиболее сложной. Н. В. Синицына исследовала рукописи Гурия Тушина, сопоставляя графику отдельных литер и способы их начертания (дукт), что позволило ей отвергнуть

¹⁵ Об этом см.: *Киселева Л. И.* Западноевропейская книга XIV–XV вв. Кодикологический и книговедческий аспекты / Отв. ред. А.Д. Люблинская, А.Н. Немилев. Л., 1985. С. 55–56.

¹⁶ БАН, Срезн. II. 75. Факсимильное издание и исследование рукописи: Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук: в 2-х т. / Подгот. изд. и исслед. А. А. Алексеев (отв. ред.), А. Е. Жуков, Ф. В. Панченко. СПб., 2020.

¹⁷ *Панченко Ф. В.* «Еже не съкрыти таланта от Бога преданнаго ми» (Материалы к творческому портрету Матфея Десятого) // *Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской*. Т. 2. М., 2015. С. 173–195.

¹⁸ Изображение из рукописи XIII в. с чередованием выполненных разными красками строк опубликовано: *Киселева Л. И.* Искусство европейской средневековой книги. СПб., 2014. С. 94.

атрибуцию Гурию Тушину трех рукописей, несмотря на наличие прямого указания в записях на его авторство¹⁹.

От рукописей, написанных на заказ, значительно отличаются келейные сборники, часто переписывавшиеся для собственного использования. Почерк в таких рукописях меняется часто и непредсказуемо, посередине фразы. Варьирование не может быть объяснено переходом к новому тексту, поскольку неоднократные изменения в почерке не преследуют цель выделить тот или иной текст или его фрагмент. Почерк может меняться на протяжении двух-трех строк или даже слов: изменяется наклон и «вес» письма, начертания отдельных букв, размер строки, число литер с длинными «хвостами», плотность письма.

В обыденный полуустав может быть вставлено несколько строк, переписанных каллиграфичным грецизированным почерком. Такое хаотичное варьирование почерка часто встречается в рукописях первой половины XVI в. из Иосифо-Волоколамского монастыря²⁰, но не ограничивается только этим книжным центром²¹. Можно полагать, что в некоторых случаях над рукописью работал не один человек, а, по крайней мере, двое: учитель и ученик, и именно этим объясняется появление неуверенных, неровных строк в рукописи профессионального писца или, напротив, каллиграфичных образцов в кодексе, переписанных неумелым полууставом. Однако многочисленные смены писцовой манеры в пределах нескольких листов невозможно объяснить переходом пера к новому ученику. В некоторых рукописях смена почерка совершается плавно (что невозможно при смене писца) и слишком часто. Это заставляет предполагать, что келейные сборники служили материалом для отработки писцовых манер, позволяя писцу упражняться, меняя темп и ритм письма.

Тип письма и жанр текста

Зависимость типа письма и почерка от жанра текста знакома каждому, кто работал с рукописными книгами. Напрестольное Евангелие, скорее всего, будет написано литургическим уставом, а монастырские хозяйственные книги – делопроизводственной скорописью. Для четких книг: Прологов, Четких-Миней, сборников житий с наибольшей вероятностью в XV–XVI вв. будет выбран обыденный полуустав. Тип почерка зависит не только от жанра, но и от функционального предназначения книги: архиерейский

¹⁹ Подробнее см.: *Синицына Н. В.* Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV – первой половины XVI в. и его трудности // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 89–113.

²⁰ Ярким примером являются рукописи, переписанные в Иосифо-Волоколамском монастыре в 1530–1540-е гг. при игумене Нифонте Кормилицыне: РГБ, ф. 98, Егоров 156 (Кормчая книга); РНБ, Q.XVII.15 и Q.XVII.64 (сборники), и иные. См.: *Дмитриева Р. П.* Волоколамские четьи сборники XVI в. // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С. 202–230.

²¹ См., например, рукописи XV–XVI вв.: 1) БАН, Арханг. С. 3. Библиейские книги. Рубеж XV–XVI вв. – Несколько писцов. Почерк варьируется на листах, переписанных одним из писцов, л. 109 об. – 117; 2) БАН, Каргоп. 2. Псалтырь с воследованием. 1520-е гг. – Один писец, почерк варьируется на протяжении всей рукописи; 3) БАН, Арханг. Д. 27. Служебник и Требник. Середина XVI в. – Несколько писцов. Почерк варьируется на вpletенных в рукопись листах начала XVI в., л. 115–125.

Служебник может быть написан парадным литургическим полууставом, подобно Евангелию тетр, и сопровождаться широкими заставками золотом; малый Требник в четвертую долю листа, скорее, будет переписан обиходным полууставом без украшений; а карманный Требник в восьмую долю может быть скорописным и даже не иметь киноварных буквиц.

Палеографическое различие рукописей, предназначенных для разных целей, может быть прослежено либо статистически, либо через исследование типологически различных книг, переписанных одним писцом. При этом правил, регламентирующих использование того или иного почерка для определенного жанра или типа книг, не существовало, и представления о том, как должны внешне различаться книги, предназначенные для разных целей, могли передаваться устно только внутри книжной традиции. Кроме того, очевидно, не все мастера владели разными писцовыми манерами, поэтому ряд исключений из общей закономерности объясняется недостаточной искусностью писца.

Различия в типе письма, выбираемом для определенной книги, появляются уже в начале XV в., с развитием полууставных и формированием скорописных почерков. Мы можем сопоставить рукописи разных жанров, созданные одним книжником, и убедиться в том, что один и тот же мастер выбирал почерк в зависимости от функции книги. Так, уже упоминавшийся Васюк Гаврилов сын Кылдашев подготовил два экземпляра Мазуринской Кормчей (ГИМ. Увар. 81–4°, 1510 г.; и БАН. Арханг. С. 5, 1512 г.)²². Обе книги переписаны курсивным полууставом, в котором мачты букв имеют мягкие, изогнутые очертания, «хвосты» многих литер далеко выступают за границу строки, буквы округлы, а межстрочное пространство меньше высоты строки, из-за чего создается впечатление тесно исписанного листа. Мазуринская Кормчая, являясь юридическим сборником, в большей степени была предназначена для чтения, чем для отправления суда. В иной манере Васюк Кылдашев выполнил в 1517 г. Псалтырь (РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Син. тип. 222): прямоугольный книжный полуустав, большие полихромные плетеные инициалы подчеркивают тщательное следование канонам в оформлении богослужбной книги²³. Почерк имеет минимальное количество украшений, отличается сдержанностью, выносные литеры почти не используются, буквы не выдаются за границы строки за необходимыми исключениями. Все три книги, согласно выходным записям, писались на заказ, но Кормчие оформлены как четьи книги, а Псалтырь – как литургическая. Писцовые записи во всех книгах оставлены делопроизводительной скорописью, использовавшейся для актов.

К тому же времени относится деятельность московского книжника Гурия Тушина. Переписанные им литургические книги: Евангелие тетр (РНБ. Кир.-Бел. 31/36, 1511 г.) и Апостол (РНБ. Кир.-Бел. 96/101, 1515 г.) носят парадный характер: украшены миниатюрами, широкими красочными заставками и большими полихромными инициалами²⁴. Почерк в этих книгах различен: прямоугольный, скупой на украшения полуустав

²² Мазуринская Кормчая: Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв.: Исследование и тексты / Отв. ред. Я. Н. Щапов. М., 2002. С. 94–96.

²³ Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. М., 2014. Вып. 2: Лествица–Пчела. С. 266–272.

²⁴ Казакова Н. А. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 169–200; Синицына Н. В. Отождествление почерков... С. 99–101, 106–107.

в Евангелии выглядит более торжественным, чем полуустав с грецизированными начертаниями в Апостоле. Несмотря на это, широко поставленные буквы и строгая выдержанность почерка в обоих случаях создают впечатление парадной литургической книги, что разительно отличает их от сборника житий (РНБ. Кир.-Бел. 23/1262, 1509 г.), переписанного обыденным полууставом, в котором отсутствуют украшения, а литеры не отличаются каллиграфичностью²⁵.

Аналогичная зависимость типа почерка от функционального предназначения книги характерна для книжников, трудившихся в Великом княжестве Литовском и Королевстве Польском. Так, в середине XVI в. Феофан из Поволокома переписал Минею (1555 г.; BN 12129/6) и Евангелие (1561 г., BN, 11830)²⁶. Если для Евангелия тетр книжник выбрал торжественный полуустав с тщательной прорисовкой литер, крупным почерком и минимумом выносных букв, то служебная Минея была выполнена обыденным полууставом, в котором строка слабо выдержана, на конце слов часто используются выносные буквы, а почерк существенно мельче, нежели в Евангелии. Третий тип почерка Феофана представлен в его записи в Минее, оставленной скорописным полууставом с размашистыми штрихами и украшенной вычурными кинноварными малыми инициалами.

Представления книжников о необходимости выбора почерка в зависимости от типа книги сохранялись до XVII в. К концу XVI столетия относится деятельность Мисаила Гневашева, который в 1588 г. переписал парадным литургическим уставом архиерейский Служебник (ГИМ. Воскр. бум. 6)²⁷, который имел не только богослужебные, но и презентационные цели; и в том же году подготовил четью книгу – учительное Евангелие (ГИМ. Барс. 329), используя обыденный полуустав с тесно расположенными строками.

Однако уже через несколько десятилетий, в XVII в., представления о связи жанра текста с типом почерка размываются. Так, к первой трети XVII в. относятся труды монаха Антониево-Сийского монастыря Давида Замарая. На протяжении долгих лет книжник трудился над составлением, дополнением и редактированием книг. Черновые экземпляры подготовленных им компендиумов написаны тонким пером, округлой книжной скорописью, изобилующей лигатурными начертаниями и «сигналами» – выходящими за пределы строки длинными мачтами и «хвостами» букв. В такой манере, несмотря на разницу в форматах, выполнен ранний черновой экземпляр Азбуковника (РГБ. Ф. 594. Юдин 4, 1626 г., 2°) и богослужебный Обиходник (БАН. Арханг. Д. 327, первая треть XVII в., 8°). Второй экземпляр Азбуковника книжник начал переписывать обыденным полууставом, широким пером, минимизируя использование выносных букв, стремясь расположить все литеры в одной строке (БАН. Арханг. Д. 446, до 1632 г., 4°). В такой манере Давид Замарай выполнил только вводные статьи, а словарные тексты, которые снова подверглись обильной правке, были переписаны им более свободным почерком.

²⁵ Казакова Н. А. Книгописная деятельность... С. 175.

²⁶ *Rękopisy cerkiewnosłowiańskie w Polsce. Katalog / Opracowali Aleksander Naumow oraz Andrzej Kaszlej przy współpracy Ewy Naumow i Jana Stradomskiego.* Wyd. drugie zmienione. Kraków, 2004. S. 110 (№ 232), 288–289 (№ 601); *Kaszlej A.* Inwentarz rękopisów Biblioteki Kapituły Greckokatolickiej w Przemyślu. Warszawa, 2011. S. 49, 146.

²⁷ *Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), архим.* Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки, с приложением снимков со всех пергаменных рукописей и некоторых писанных на бумаге. М., 1876. С. 75–76.

Он представлял собой промежуточный вариант между строгим книжным полууставом и летящей скорописью черновиков. Этот пример наглядно показывает разницу в почерках при различном функциональном предназначении текстов: использование стандартизированного полуустава с большим «весом» письма в беловом списке для чтения; и беглых и «легких» начерков, с высокой плотностью строки, для черновика.

Выводы

Владение книжниками различными типами письма ставит перед исследователями вопрос об атрибуции почерков. Методики для решения этой прикладной проблемы в настоящее время нет, и наблюдения над разнообразием писцовых манер, присущих одному писцу, не упрощают, а усложняют решение вопроса.

Однако задача атрибуции почерков тем или иным писцам может носить только локальный характер, и ее решение не помогло бы понять процесс организации письма в целом. Сплошное описание рукописных книг Священного Писания XV века в БАН показало, что в 37 кодексах встречается почти 100 почерков, хотя по имени известно лишь трое писцов. Очевидно, что количество писцов, трудившихся над сохранившимися древнерусскими рукописями XV–XVI вв. измеряется тысячами, но у исследователей есть надежда узнать имена и скудные сведения о биографии лишь нескольких десятков книжников.

В этой ситуации более перспективными выглядят исследования, касающиеся функции и организации письма, его связи с жанром и назначением текста. Так, имеет значение не только высота строки, но и ее соотношение с пропорциями листа, зеркалом текста, шириной полей и даже толщиной кодекса. Важно не только время и регион появления новых начерков, но и переход их в те рукописные книги, письмо которых до этого было стандартизировано. Любые изменения в оформлении и внешнем виде книги – например, использование необычно мелкого и плотного полуустава в листовых списках Геннадиевской Библии в конце XV в.²⁸, появление во второй половине XVI в. карманных Евангелий, переписанных в восьмую долю листа²⁹, или использование мелкой скорописи в украинских школярских книгах, написанных на «простой мове» в первой половине XVII в.³⁰ – говорят об изменении отношения к книге, о ее новых функциях или появлении новых жанров.

Информация о статье

Исследование выполнено в рамках проекта № 075-15-2020-786 «История письма европейской цивилизации», финансируемого Министерством науки и высшего образования РФ.

Автор: Корогодина, Мария Владимировна – доктор исторических наук, заведующая Научно-исследовательским отделом рукописей, Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, Orc ID 0000-0001-7170-8688, Researcher ID R-6109-2016, Scopus ID 53563677200, Author ID143674, SPIN 6548-8875; e-mail: mvkorogod@gmail.com

Заголовок: Варьирование почерка в восточнославянских рукописях XV–XVI веков

²⁸ БАН. Плигин 1 (33.10.4). Список Геннадиевской Библии, конец XV в.

²⁹ БАН. Чуван. 392. Евангелие тетр «Филиппа Колычева». Конец XVI в.

³⁰ БАН, 33.9.3. Сборник учебный, включает Катехизис, орации и школьные вирши. 1640-е гг. Украина. См.: *Корогодина М. В.* Памятники церковного права... С. 464–467 (полное описание рукописи).

Резюме: В XV–XVI вв. происходят значительные изменения в почерках восточнославянских рукописей: возникают новые типы почерков, новые писцовые манеры. Разнообразие начертаний приводит к тому, что многие писцы овладевают несколькими писцовыми манерами и варьируют их в зависимости от стоящих перед ними задач. Часто для выходной записи используется принципиально иная писцовая манера, что позволяет переписчику зримо отделить основной текст от других сведений. Разные типы почерков, которыми владел один писец, использовались для маркировки различных типов текстов и разных жанров. Это привело к формированию к XVI в. тесной связи типа почерка не только с жанром книги, но и с ее назначением. Таким образом, появление новых почерков и их варьирование свидетельствует об изменениях в отношении к книжному наследию в восточнославянском регионе. Владение книжниками различными типами письма ставит перед исследователями вопрос об атрибуции почерков. Методики для решения этой прикладной проблемы в настоящее время нет, и наблюдения над разнообразием писцовых манер, присущих одному писцу, не упрощают, а усложняют решение вопроса. Перспективными выглядят исследования, касающиеся функции и организации письма, его связи с жанром и назначением текста. Имеет значение не только высота строки, но и ее соотношение с пропорциями листа, зеркалом текста, шириной полей и даже толщиной кодекса. Важно не только время и регион появления новых начерков, но и переход их в те рукописные книги, письмо которых до этого было стандартизировано. Любые изменения в оформлении и внешнем виде книги – например, использование необычно мелкого и плотного полуустава в листовых списках, появление во второй половине XVI в. карманных книг, переписанных в восьмую долю листа, использование мелкой скорописи – говорят о новых функциях книги и формировании новых традиций.

Ключевые слова: восточнославянские рукописи, почерковедение, палеография, кодикология, культурное наследие, источниковедение

Литература, использованная в статье:

- Амосов, Александр Александрович.* Из истории кодекса сборника Д. 193 Архангельского собрания РО БАН СССР // Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР: Сборник научных трудов / Под ред. С. П. Луппова, А. А. Моисеевой. Ленинград: БАН СССР, 1976. С. 34–42.
- Велинова, Вая; Груша, Александр Иванович; Ляховицкий, Евгений Александрович; Ломаджистро, Барбара; Мошкова, Людмила Владимировна; Уо, Даниэль.* Спор о древнерусском письме (форум) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 1. С. 103–123. DOI 10.21638/11701/spbu19.2019.108.
- Волощенко, Станіслав Анатолійович.* Краківські фрагменти Христинопільського Апостола XII сторіччя // *Слов'янські мови, літератури і культури в умовах глобальної інформації: Міжнародна наукова конференція до Дня слов'янської писемності і культури*. 25 травня 2021 року. Київ: НАН України, 2021. С. 114–116.
- Гриценко, Александр Игоревич; Понарядов, Вадим Васильевич.* Новые находки памятников древнепермского языка и письма // *Урало-алтайские исследования*. 2021. № 4 (43). С. 7–34. DOI 10.37892 / 2500-2902-2021-43-4-7-34
- Груша, Александр Иванович.* Кириллическое и латинское письмо: общее и отличное в истории и изучении // *Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время: Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина* / Отв. ред. акад. В. Л. Янин, В. Д. Назаров. Москва: Языки славянских культур, 2010. С. 82–91.
- Груша, Александр Иванович.* Когда и почему «русские» писари королей польских и великих князей литовских стали писать скорописью? // *Lituanistyka i Wschodoznawstwo. Studia dedukowane prof. K. Pietkiewiczowi* / Red. G. Błaszczuk, G. Skrukwa, M. Studenna-Skrukwa. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 2020. S. 79–89.
- Демкова, Наталья Сергеевна; Якунина Светлана Алексеевна.* Кормчая XV в. из собрания Пермского педагогического института // *Труды отдела древнерусской литературы*. Ленинград: Наука, 1990. Т. 43. С. 330–337.
- Дмитриева, Руфина Петровна.* Волоколамские четьи сборники XVI в. // *Труды отдела древнерусской литературы*. Ленинград: Наука, 1974. Т. 28. С. 202–230.
- Казакова, Наталья Александровна.* Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // *Труды отдела древнерусской литературы*. Москва; Ленинград: Наука, 1961. Т. 17. С. 169–200.
- Киселева, Людмила Ильинична.* Готический курсив XIII–XIV вв. Ленинград: Наука, 1974. 206 с.
- Киселева, Людмила Ильинична.* Западноевропейская книга XIV–XV вв. Кодикологический и книговедческий аспекты / Отв. ред. А. Д. Люблинская, А. Н. Немилов. Ленинград: Наука, 1985. 304 с.

Киселева, Людмила Ильинична. Искусство европейской средневековой книги. Санкт-Петербург: АРС, 2014. 174 с.

Корогодина, Мария Владимировна. Автограф Юрия Ивановича Токмакова: Книжника или воеводы? // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX международной научной конференции Москва, 13–15 апреля 2017 года. Москва: ИВИ РАН, 2017. С. 198–201.

Корогодина, Мария Владимировна. Куростровский дьяк Давыдец Михайлов: Нотарий, книгописец, миниатюрист? // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. Москва: Древлехранилище, 2016. С. 164–171.

Корогодина, Мария Владимировна. Памятники церковного права в рукописях XV – начала XX века. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2020. (Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 11. Вып. 1). 635 с.

Морозов, Борис Николаевич. Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI в. // Музеи и краеведение: Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 6. Сыктывкар: Национальный музей Республики Коми, 2007. С. 176–181.

Морозов, Борис Николаевич; Симонов, Рэм Александрович. К проблеме источников древнепермской письменности Стефана Пермского (около 1340 – 1396) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. Вып. 1 (35). С. 5–16.

Панченко, Флорентина Викторовна. «Еже не скрыты таланта от Бога преданного ми» (Материалы к творческому портрету Матфея Десятого) // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2. Москва: Индрик, 2015. С. 173–195.

Пихоя, Рудольф Германович. Пермская Кормчая (О предыстории появления Чудовской Кормчей 1499 г.) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1990. С. 171–175.

Пихоя, Рудольф Германович. Пермская Кормчая: 1. Описание // Исторический архив. 2001. № 1. С. 187–210.

Синицына, Нина Васильевна. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Москва: Наука, 1972. С. 286–317.

Синицына, Нина Васильевна. Новые рукописи Михаила Медоварцева // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Москва: Наука, 1974. Сб. 2. С. 145–149.

Синицына, Нина Васильевна. Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV – первой половины XVI в. и его трудности // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. Москва: Наука, 1974. С. 89–113.

Смирнова, Энгелина Сергеевна. Записи на иконах Заонежья как источник для истории Северной живописи // Археографический ежегодник за 1966 г. Москва: Наука, 1968. С. 41–52.

Темчин, Сергей Юрьевич. Новый жанр для нового языка у болгар, македонцев, украинцев и белорусов: дамаскины и учительные евангелия (XVI–XIX вв.) // Българистиката в Европа: Настояще и бъдеще / Под ред. на Л. Тасева, Й. Спасова-Дикова, М. Цибранска, Б. Нягулов, Б. Мирчева, А. Лулева, И. Гергова, С. Горянова. София: Изток-Запад, 2019. С. 244–252.

Темчин, Сергей Юрьевич. Языки восточнославянской культуры Великого княжества Литовского и Польского королевства и религия // Религия и русь, XV–XVIII века / Под ред. А. В. Доронина. Москва: Политическая энциклопедия, 2020. С. 93–106.

Хорошкевич, Анна Леонидовна. Графическое оформление комплекса «Сказания о князьях Владимирских» в Медоварцевском сборнике // История и палеография: Сборник статей. Москва: ИРИ РАН, 1993. Вып. 1. С. 56–87.

Lomagistro, Barbara. Approccio scientifico e questioni di metodo nello studio delle scritture cirilliche // Contributi italiani al XVI Congresso Internazionale degli Slavisti (Belgrado, 20–27 agosto 2018). Firenze: Firenze University Press, 2018. P. 225–248.

Information about the article

The research was carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the form of subsidies as part of Project, No. 075-15-2020-786 «History of Writing in European Civilization».

Author: Korogodina, Maria Vladimirovna – Dr. Sc. in History, Head of the Manuscript Department, Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russia, Orc ID 0000-0001-7170-8688,

Researcher ID R-6109-2016, Scopus ID 53563677200, Author ID 143674, SPIN-cod 6548-8875; e-mail: mvkorogod@gmail.com

Title: Variation of the script in the East-Slavonic manuscripts of the 15th – 16th centuries

Summary: The scripts of the East-Slavonic manuscripts modify significantly in the 15th and 16th centuries. New types of scripts and styles of handwriting are appeared in that time. The multiplicity of the patterns makes up many scribes to master several styles of handwriting and to vary them depending on their goals. They often use another style of handwriting for the scribe's note. It allows a scribe to differ the main text from the information about him. Various styles of handwriting, belonged to the same scribe, were used for coding different types of text and different genres. It led to the forming in the 16th century of the close connection of the style of the script not only with the genre of the book, but with its destination also. So appearance of new styles of scripts and variation of them testifies about shifts in the attitude to the culture heritage in East-Slavonic region. The ability of scribes to write in various handwritten styles poses the question of attribution of handwriting to researchers. Currently, there is no methodology for solving this applied problem. To date, studies of the functions and structure of the scribal manner, its relationship with the genre and purpose of the text are more promising. For example, to create a book the copyist takes into account the height of the line, its ratio to the proportions of the sheet, the mirror of the text, the width of the margins and even the thickness of this book. It is important not only the time and region of the appearance of new handwriting, but also their transition to those handwritten books whose writing had previously been standardized. Any changes in the design and appearance of the book – for example, the use of unusually small and dense handwriting, the appearance of pocket books that are copied into an eighth part of a sheet – speak of new functions of the book and the formation of new traditions.

Keywords: East-Slavonic manuscripts, script study, paleography, codicology, culture heritage

References:

- Amosov, Aleksandr Aleksandrovich. Iz istorii kodeksa sbornika D. 193 Arhangel'skogo sobraniya RO BAN SSSR [From the History of the Manuscript RASL, Archangelskoje coll. D. 193], in *Rukopisnye i redkie pechatnye knigi v fondah Biblioteki AN SSSR. Sbornik nauchnih trudov* [Handwritten and rare printed books in the funds of the Library of the USSR Academy of Science]. Ed. by S. P. Luppov, A. A. Moiseeva. Leningrad: BAN Press., 1976. Pp. 34–42. (in Russian).
- Demkova, Natalya Sergeevna; Jakunina Svetlana Alekseevna. Kormchaya XV v. iz sobraniya Permskogo pedagogicheskogo instituta [Nomocanon of the 15th Century from the Collection of Perm Pedagogic Institute], in *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the department of Old Russian Literature]. Leningrad: Nauka Publ., 1990. Vol. 43. Pp. 330–337. (in Russian).
- Dmitrieva, Rufina Petrovna. Volokolamskiye chetyri sborniki XVI veka [Volokolamsk Miscellanies for Reading of the 16th Century], in *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the department of Old Russian Literature]. Leningrad: Nauka Publ., 1974. Vol. 28. Pp. 202–230. (in Russian).
- Grishhenko, Aleksandr Igorevich; Ponaryadov, Vadim Vasilyevich. Novye nahodki pamyatnikov drevnepermnskogo yazyka i pis'ma [The newly discovered monuments of the Old Permian language and script], in *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies]. 2021. № 4 (43). Pp. 7–34. DOI 10.37892 / 2500-2902-2021-43-4-7-34. (in Russian).
- Grusha, Aleksandr Ivanovich. Kirillicheskoe i latinskoe pis'mo: Obshcheye i otlichnoye v istorii i izuchenii [Cyrillic and Latin Writing: Common and Different in the History and Study], in *Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast' v Rossii: Srednie veka i rannee Novoe vremya* [Estates, institutes and state power in Russia: Middle Ages and New Time]. Chief ed. acad. V. L. Janin, V. D. Nazarov. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2010. Pp. 82–91. (in Russian).
- Grusha, Aleksandr Ivanovich. Kogda i pochemu «ruskiye» pisari koroley pol'skih i velikih knyazey litovskih stali pisaty skoropisyu? [When and Why did “Russian” Clerks of Polish Kings and Lithuanian Grand Dukes begin to write by Cursive?], in *Lituanistyka i Wschodoznawstwo: Studia dedukowane prof. K. Pietkiewiczowi*. Ed. by G. Błaszczuk, G. Skrukwa, M. Studenna-Skrukwa. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu Publ., 2020. Pp. 79–89. (in Russian).
- Horoshkevich, Anna Leonidovna. Graficheskoye oformleniye kompleksa «Skazaniya o knjazyah Vladimirskih» v Medovartsevskom sbornike [Graphic Décor of the Complex ‘Tell about Vladimir’s Princes’ in the Medovartsev Miscellania], in *Istoriya i paleografiya: Sbornik statey* [History and Paleography. Collection of Papers]. Moscow: IRI RAN Publ., 1993. Iss. 1. Pp. 56–87. (in Russian).
- Kazakova, Natalya Aleksandrovna. Knigopisnaya deyatel'nost' i obshhestvenno-politicheskiye vzglyady Guriya Tushina [Book Writing Activity and Socio-Political Views of Gurij Tushin], in *Trudy otdela*

- drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the department of Old Russian Literature]. Leningrad: Nauka Publ., 1961. Vol. 17. Pp. 169–200. (in Russian).
- Kiseleva, Lyudmila Ilyinichna. *Goticheskij kursiv XIII–XIV vv.* [Gothic Cursive of the 13th–14th centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1974. 206 pp. (in Russian).
- Kiseleva, Lyudmila Ilyinichna. *Iskusstvo evropeyskoy srednevekovoy knigi* [Art of the European Medieval Book]. St. Petersburg: ARS Publ., 2014. 174 pp. (in Russian).
- Kiseleva, Lyudmila Ilyinichna. *Zapadnoevropeyskaya kniga XIV–XV vv. Kodikologicheskiy i knigovedcheskiy aspekty* [West European Book of the 14th – 15th centuries: Codicological and bibliographical aspects]. Eds. A. D. Lyublinskaya, A. N. Nemilov. Leningrad: Nauka Publ., 1985. 304 pp. (in Russian).
- Korogodina, Mariya Vladimirovna. Avtograf Juriya Ivanovicha Tokmakova: Knizhnika ili voevody? [Autograph of Jury Ivanovich Tokmakov: Scribe or General?], in *Vspomogatel'nye istoricheskiye discipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXIX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Auxiliary historical disciplines in the Modern scientific knowledge: Materials of the 29th international scientific conference]. Moscow, 13–15 of April, 2017. Moscow: IVI RAN Publ., 2017. Pp. 198–201. (in Russian).
- Korogodina, Mariya Vladimirovna. Kurostrovskiy dyak Davydec Mihaylov: Notariy, knigopisets, miniatyurist? [Kurostrov's clerk Davydetz, son of Michail: Notary, scribe, miniaturist?], in *Grani russkogo Srednevekovya. Sbornik statej k 90-letiju Ju. G. Alekseeva* [Facets of Russian Middle Ages: A Collection in Honor of 90 Anniversary of Yu. G. Alekseev]. Moscow: Drevlehranilishhe Publ., 2016. Pp. 164–171. (in Russian).
- Korogodina, Mariya Vladimirovna. *Pamyatniki cerkovnogo prava v rukopisyah XV – nachala XX veka* [Monuments of the church law in the manuscripts of the 15th – the beginning of the 20th centuries]. Moscow, St. Petersburg: Alyans-Arheo Publ., 2020. 635 pp. (Opisanie Rukopisnogo otdela Biblioteki Rossiyskoy akademii nauk [Description of the Manuscript Department of the Russian Academy of Sciences Library]. Vol. 11. Part 1). (in Russian).
- Lomagistro, Barbara. Approccio scientifico e questioni di metodo nello studio delle scritture cirilliche [Scientific Approach and Methodological Questions in the Study of Cyrillic Scripts], in *Contributi italiani al XVI Congresso Internazionale degli Slavisti* [Italian Contributions to the XVI International Congress of Slavists. Belgrado, 20–27 agosto 2018]. Firenze: Firenze University Press, 2018. Pp. 225–248. (in Italian).
- Morozov, Boris Nikolaevich. Novye pamyatniki drevney komi pis'mennosti kontsa XV – nachala XVI v. [New monuments of the Old Komi Writing of the end of 15th and the beginning of 16th centuries], in *Muзей i krayevedeniye. Trudy Nacional'nogo muzeya Respubliki Komi* [Museums and Local History: Proceedings of the National Museum of Komi Republic]. Issue 6. Syktyvkar: Natsional'nyy muzey Respubliki Komi Publ., 2007. Pp. 176–181. (in Russian).
- Morozov, Boris Nikolaevich; Simonov, Ryem Aleksandrovich. K probleme istochnikov drevneperskoy pis'mennosti Stefana Permskogo (okolo 1340–1396) [To the problem of the sources of Old Perm' writing by Stephan Permskiy (near 1340–1396)], in *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki* [Old Russia: The questions of Middle Ages]. 2009. Vol. 1 (35). Pp. 5–16. (in Russian).
- Panchenko, Florentina Viktorovna. «Ezhe ne skryti talanta ot Boga predannago mi» (Materialy k tvorcheskomu portretu Matfeja Desjatogo) [«For not to hide a talent given me by God». Materials to the creative portrait of Matheus the Tenth], in *Krugi vremeni. V pamjat' E. K. Romodanovskoy* [The circles of the Times. In Memory of E. K. Romodanovskaja]. Vol. 2. Moscow: Indrik Publ., 2015. Pp. 173–195. (in Russian).
- Pihoya, Rudol'f Germanovich. Permskaya Kormchaya (O predystorii poyavleniya Chudovskoy Kormchey 1499 g.) [Permian Nomocanon. About the Prehistory of the Creation of Chudov Nomocanon in the 1499], in *Obshhestvennoye soznaniye, knizhnost', literatura perioda feodalizma* [Social consciousness, bookishness, literature of the period of the Feodalism]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. Pp. 171–175. (in Russian).
- Pihoya, Rudol'f Germanovich. Permskaya Kormchaya: 1. Opisanie [Permian Nomocanon. 1. Description], in *Istoricheskij arhiv* [The Historical Archive]. 2001. № 1. Pp. 187–210. (in Russian).
- Sinitsyna, Nina Vasilyevna. Knizhniy master Mihail Medovartsev [Master of a book Michail Medovartsev], in *Drevnerusskoye iskusstvo: Rukopisnaya kniga* [Old Russian Art: Handwritten book]. Moscow: Nauka Publ., 1972. Pp. 286–317. (in Russian).
- Sinitsyna, Nina Vasilyevna. Novye rukopisi Mihaila Medovartseva [New Manuscripts of Michail Medovartsev], in *Drevnerusskoye iskusstvo: Rukopisnaya kniga* [Old Russian Art: Handwritten book]. Moscow: Nauka Publ., 1974. Issue 2. Pp. 145–149. (in Russian).
- Sinitsyna, Nina Vasilyevna. Otozhdestvleniye pocherkov russkih rukopisnyh knig kontsa XV – pervoy poloviny XVI veka i ego trudnosti [Identification of the scripts of Russian handwritten books of the end

of the 15th and the first half of the 16th century and its difficulties], in *Problemy paleografii i kodikologii v SSSR* [*Problems of archeography and codicology in USSR*]. Moscow: Nauka Publ., 1974. Pp. 89–113. (in Russian). Smirnova, Engelina Sergeevna. Zapisi na ikonah Zaonezhya kak istochnik dlya istorii Severnoy zhivopisi [Notes on the Icons of Zaonezhye as a source for the history of the North art], in *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1966 g.* [*Archeographic Bulletin–1966*]. Moscow: Nauka Publ., 1968. Pp. 41–52. (in Russian).

Temchin, Sergey Uryevich. Jazyki vostochnoslavjanskoj kul'tury Velikogo knyazhestva Litovskogo i Pol'skogo korolevstva i religiya [Languages of East European Culture of Grand Duchy of Lithuania and Polish Kingship and religia], in *Religiya i rus', XV–XVIII veka* [*Religia and rus', 15th – 18th centuries*]. Ed. by A. V. Doronin. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2020. Pp. 93–106. (in Russian).

Temchin, Sergey Uryevich. Noviy zhanr dlya novogo yazyka u bolgar, makedontsev, ukraintsev i belorusev: Damaskiny i uchitel'nye evangeliya (XVI–XIX vv.) [A new genre for a new language for Bulgarians, Macedonians, Ukrainians, and Belarusians: Damaskini and Didactic Gospels (16th – 19th cc.)], in *Blgaristikata v Evropa: Nastojashhe i bdeshe* [*Bulgarian studies in Europe: Present and future*]. Sofiya: Iztok-Zapad Publ., 2019. Pp. 244–252. (in Russian).

Velinova, Vasya; Grusha, Aleksandr Ivanovich; Lyahovitskiy, Evgeniy Aleksandrovich; Lomagistro, Barbara; Moshkova, Lyudmila Vladimirovna; Waugh, Daniel. Spor o drevnyerusskom pis'me (Forum) [The dispute about the Old Russian writing (forum)], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 1. Pp. 103–123. DOI: 10.21638/11701/spbu19.2019.108. (in Russian).

Voloshhenko, Stanislav Anatolyevich. Krakivs'ki fragmenti Hristinopil's'kogo Apostola XII storichchya [Kraków fragments of the Apostolus Christinopolitanus of the XIIth century], in *Slovyans'ki movi, literaturi i kul'turi v umovah global'noi informacii: Mizhnarodna naukova konferencija do Dnja slov'jans'koj pisemnosti i kul'turi. 25 travnja 2021 roku* [*Slavonic languages, literatures and cultures in the light of global information. International scientific conference dedicated to the Day of Slavic Writing and Culture*]. Kyiv: NAN Ukraïni Publ., 2021. Pp. 114–116. (in Ukrainian).